

О Пушкинѣ.

1.

Новооткрытыя записи народныхъ пѣсенъ.

Въ двадцати пушкинскимъ записямъ, напечатаннымъ мною въ январьской книгѣ „Русс. Старины“, извлеченнымъ изъ бумагъ П. В. Кирѣевского, присоединяю теперь еще семь, впервые мною опубликованныхъ недавно ¹⁾. Отъ издающаго „новую серію“ „Пѣсенъ собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“ Общества любителей россійской словесности и отъ редактирующаго это изданіе профессора М. Н. Сперанскаго я получилъ позволеніе опубликовать ихъ, за что приношу глубокую благодарность какъ уважаемому Обществу, такъ и профессору Сперанскому, обнаружившему ихъ въ бумагахъ незабвеннаго собирателя. О всѣхъ ихъ, кромѣ одной: „Ахъ ты, молодость, моя молодость“..., г. Сперанскій упоминаетъ въ своевременно цитированномъ мною предисловіи къ первому выпуску новой серіи. Эти записи особенно важны тѣмъ, что позволяютъ установить до извѣстной степени точно время и мѣсто данныхъ этнографическихъ наблюденій Пушкина и приближаютъ къ разрѣшенію общій вопросъ о территоріальныхъ и хронологическихъ предѣлахъ его занятій народнымъ творчествомъ. Воспроизводятся записи въ томъ порядкѣ, въ какомъ находятся онѣ въ систематизированномъ собраніи Кирѣевского.

¹⁾ „Рѣчь“ 29 января, № 28.

I.

Авдотья вдовина
 По бережку ходила,
 Правой рукой махала:
 А свѣтъ моя сторона, сторона,
 Никольская слобода,
 На ней тебѣ не бывать, не жи-
   вать,
 Пивца, винца не пивать,
 Калачиковъ не ѣдать.
 Злодѣй Ванька воръ побѣдна
   голова
 Кличеть Дуньку изъ воротъ въ
   огородъ
 Сорветъ Дунькѣ лопушокъ
 Подъ самый корешокъ.
 Сошьетъ Дунькѣ сарафанъ.
 Китаичный голубой,
 Снурочикъ-отъ павличная трава,
 А ниточки ковылокъ, ковылокъ,
 А пуговики репейкъ, репейкъ.
 Гдѣ нѣ—взялся тараканъ,
 Проѣлъ Дунькѣ сарафанъ
 Надъ самую надъ дырой,
 А дялюшка Митрофанъ
 Зашей Дунькѣ сарафанъ
 Китаичный голубой.

—

II.

Калина, калина!
 На заднемъ порядкѣ¹⁾,
 Подъ горою три солдатки:
 Одна Настька, другà Машка,
 Какъ третія Наташка.

Повадилась Наташка
 Во Царёвъ кабакъ ходить,
 Зеленде вино пить,
 Цѣловальника любить.
 Цѣловальникъ молодой,
 Проводи меня домой
 По улицѣ мостовой,
 По дорожкѣ столбовой
 До кровати тесовой,
 До перинки пуховой.
 На перинѣ дѣвица.
 Лежитъ она, нѣжится,
 Лицѣ разгорѣлося.
 Чего захотѣлося?
 Не надо мнѣ, матушка,
 Ни меду, ни сахару,
 Ни сладкихъ яблочковъ,
 Ни медовыхъ пряничковъ.
 Приведи-ка, матушка,
 Татарина съ скрыпкою,
 Мордвина съ волынкою,
 Холостова съ дудками.
 На Болдинскомъ на плоту²⁾
 Она мыла, полоскала,
 Фату въ воду опускала.
 Милый фаточку ловилъ,
 Кафтанъ съ шубою сронилъ:
 Она губушки надула,
 Пошла къ старостѣ на думу
 И къ бурмистру на разсуду:
 Какъ что староста-то скажетъ,
 И бурмистръ-отъ что прикажетъ?
 Ты поставься-ко въ попы!
 Какъ и что это за попокъ
 Въ сарафанѣ, безъ портокъ.

—

¹⁾ „Порядокъ“ здѣсь значить—сторона улицы, рядъ домовъ.

²⁾ Во II записи, повидимому, соединены двѣ пѣсни; вторая начинается стихомъ:

„На Болдинскомъ на плоту“.

III.

Я вечеръ, вечеръ, добрый моло-
дець,

Вечеръ загулялся,
Я со любушкой, со своей суда-
рушкой,

Долго застоялся;
Я тайнаго ласкова словечка
Отъ ней дожидался.

Ничего-то моя сударушка
Она мнѣ не сказала,

Только сказала моя сударушка
Грубое словечко;

„Ты отстань, отстань, добрый
молодець,

„Отстань по охотѣ,—
„Не отстанешь ты по охотушкѣ,
„Отстань по неволѣ“.

Тосковаль-то я, добрый молодець,
Ровно три годочка,

Что никто, никто по добромъ
молодцѣ

Никто не потужить,
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни жена молодая,

Что потужить ли, погорюетъ ли
Красная дѣвица,

Что названая моя прежняя
Милая сестрица!

IV.

Уродился я несчастливъ, безта-
ланливъ,

Приневолили меня, малѣшенька
женили.

Молода была жена, я глупенекъ;
Сталъ я молодецъ, жена стала
старенька.

Полюбилась мнѣ молодка моло-
дая,

Изушила мое сердце ретивое.
Какъ вечеръ меня молодка огор-
чила,

Мнѣ несносную насмѣшку на-
смѣяла:

„Отступися, мнѣ сказала, отвя-
жися,

„У тебѣ своя жена, съ ней и
цѣлуйся“.

Во бору ли, во сыромъ ли, стукъ-
трескъ:

Бурлачки сосну подрубливають,
Подрубливають, поваливають,

Изъ сыра бора по лугу волокутъ,
Покрутому бережку покатывають,

Середь лодочки устанавливають,
Тонкій парусъ навѣшиваютъ,

Уплываютъ внизъ по Волгѣ по
рѣкѣ.

Вы стойте, добры молодцы, по-
годите,

Вы съ собой меня возьмите по-
садите,

Разлучите съ опостылой со же-
ною.

V.

Ахъ ты молодость, моя молодость,
Не видалъ я тебя, когда ты про-
шла,

Когда ты прошла, когда минова-
лася,

Живучи съ женой не съ коры-
стною.

Не продать мнѣ жену, не про-
мѣнять ее,

Что ни братцу, ни товарищу.

Я пойду ли самъ крутымъ береж-
комъ.

Я найду ль себѣ новыхъ плотнич-
ковъ.

Новыхъ плотничковъ, корабель-
щичковъ,

Я сострою новъ тесовъ корабль
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ.

Я спущу корабль на сине море,
Посажу ли жену свою барыню,
Отпущу ли жену въ свою сто-
рону,

А я самъ пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море:

А ужъ корабль бѣжить — какъ
соколы летить,

А жена-то сидитъ точно барыня.
Ужъ я вскрикну ли громкимъ
голосомъ:

— „Воротись, жена моя барыня,
„А мы будемъ жить лучше преж-
няго,

„А я буду любить лучше стараго“.

— „Не обманывай ты, распосты-
лый мужъ:

„Что не грѣтъ солнцу зимой, про-
тивъ лѣтняго,

„Не свѣтитъ мѣсяцу лѣтомъ про-
тивъ зимняго,

„Не любить тебѣ меня пуще
прежняго“¹⁾.

VI²⁾.

Ужъ какъ нонѣшніе люди,
Они молоды, лукавы,

Съ измаленька вороваты;
Не выдавши много видятъ,
Не слыхавши много слышать.
Какъ сказали про дѣвицу
Напрасную небылицу:

Будто я, красна дѣвица,
Во всю темну ночь не спала,
Въ зеленомъ саду гуляла,
Сладко вишенье щипала,
(Показалось дѣвкѣ мало)

Виноградомъ забавляла,
На бѣлое блюдо клала,
Въ Итальянскій платъ вязала;

За ворота выходила,
Извозничка нанимала,
Извозничка молодого,
Не женатаго, холостого:

Вези меня поскорѣе,
Чтобы люди не видали,
Сосѣдушки не слыхали,
Мому батюшкѣ не сказали.

Мой батюшко очень грозень,
Посадилъ меня въ темницу:
Ни дверей нѣтъ, ни окошекъ,
Одна труба, да малая.

Ахъ ты, батюшко родимый!

Проруби ты мнѣ окошко
На правую на сторонку,
Куда милый гулять ходитъ,
Добра кони поить водить.

¹⁾ Ср. конецъ „Яныша-Королевича“ („Пѣсни Западныхъ Славянъ“):

„Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,

„Противъ милой жена не утѣшитъ“.

²⁾ Къ VI-ой записи Кирѣевскій приписалъ вариантъ, встрѣчающійся
„въ нѣкоторыхъ пѣсенникахъ“, и замѣчаніе, что конецъ ея (отъ стиха
„Мой батюшко очень грозень“) — „очевидно изъ другой пѣсни“.

VII.

Долина долинушка,
 Раздолье широкое.
 На той на долинушкѣ
 Ничто не родилось:
 Ни грибки, ни ягодки,
 Ни чёрна смородина,
 Только уродилася
 Рошица зелёная.
 Изъ-за той ли рошицы
 Заря занималася,
 Заря занималася,
 Солнце выкаталося.
 Грѣть, грѣть солнушко
 Зимой не по-лѣтнему:
 Любить, любить миленькій,
 Любить не по-прежнему,

Любилъ все обманывалъ,
 Другу подговаривалъ:
 Поди, поди, дѣвица,
 За меня замужь,
 За меня, за мѣлодца,
 За парня холдстова.
 Нейду, нейду, дѣвица
 Нейду, не подумаю.
 Кого же мнѣ, дѣвицѣ,
 Полюбить будетъ?
 Полюбить холдстова,—
 Холостъ скоро женится;
 Полюбить женатаго,—
 Жена-то разсердится.
 Полюблю я, дѣвушка,
 Солдата гвардейскаго:
 Солдатъ въ походъ пойдётъ,
 Дѣвицу съ собой возьмётъ.

Привожу также списокъ „разгульных“ пѣсень, составленный, по словамъ Кирѣевского, Пушкинымъ ¹⁾. Для чего составилъ Пушкинъ этотъ списокъ, неизвѣстно. Надо думать, онъ хотѣлъ сообщить Кирѣевскому, какія пѣсни были ему извѣстны или имъ собраны, и едва-ли всѣ онѣ понадобились Кирѣевскому. Если сопоставить списокъ, въ который, надо помнить, вошли только пѣсни веселаго содержания, съ тѣми отголосками народнаго пѣсеннаго творчества, которые слышатся въ пушкинской поэзіи, нельзя достаточно надивиться этому бережному и любовному вниманію, съ которымъ относился великій поэтъ къ творчеству народа.

Мучительно завидовавшій Пушкину, недоброжелательно къ нему относившійся Н. М. Языковъ писалъ 16 декабря 1831 г. своему брату Ал—дру Мих—чу: „Пушкинъ говоритъ, что онъ сличилъ донинѣ напечатанныя русскія пѣсни и привелъ ихъ въ порядокъ и сообразность, зане вѣдь онѣ издавались безъ всякаго толку; но онъ, кажется, хвастаетъ ²⁾. Пушкинъ, конечно, не хвасталъ, а вѣроятно не закончилъ этой работы, слѣды которой можно видѣть въ ниже-

¹⁾ М. Н. Сперанскій „И. В. Кирѣевскій и его собраніе пѣсень“ (вступительная статья къ „новой серіи“, вып. I, стр. LXXI).—Повтореніе въ списокѣ нѣкоторыхъ заглавій указываетъ, можетъ быть, на вариантные записи нѣкоторыхъ пѣсень.

²⁾ „Историч. Вѣстникъ“ 1883 г., декабрь, 533—534.

слѣдующемъ спискѣ „разгульных“ пѣсень. Несомнѣнно, ему были извѣстны и всевозможныя пѣсни другого рода.

- 1) Ходилъ Ваня по лужочку. 2) Я по жердочкѣ шла. 3) Ахъ, деревня отъ деревни. 4) Не летай, мой соловей. 5) Наша Дуня не точеть, не прядеть. 6) Во лѣску, во лѣску текла рѣчка по песку. 7) Дѣвушки вино курили. 8) Противъ солища на востокѣ. 9) Я вечеръ, молода, во пиру была. 10) Какъ по улицѣ идетъ молодець. 11) Сѣяли дѣвушки ярый хмѣль. 12) Свѣти, свѣтеть мѣсяць. 13) Борозда моя, бороздочка. 14) Въ воскресенье на рыночекъ ходила. 15) Сгорѣло мое сердечушко. 16) Ахъ ты, Грунюшка, Груняша, Груня ягода моя. 17) Я млада... 18) Разыгрался Юрьевъ конь. 19) Ужъ какъ люди въ людяхъ-то жпвуть. 20) Всѣ домой, всѣ домой. 21) Во полѣ рябинушка стояла. 22) Сколько мнѣ браженьки ни пити. 23) Во лугахъ, во зеленыхъ лугахъ. 24) У воротъ дѣвка стояла съ молодцемъ. 25) При зарюшкѣ, при зарѣ. 26) Возлѣ Дону, возлѣ Дону. 27) Ужъ и чей это терѣмъ, побывалъ бы я въ немъ. 28) Мимо саду, мимо зелена садочку, дорожка лежала. 29) Зима моя, зима непогожая. 30) На что было горѣдъ городить. 31) Не путемъ Ваня гуляетъ, трехъ дѣвушекъ любить. 32) Бѣлая моя, чернобровая моя. 33) Бѣлилицы румяницы мои. 34) Жѹрушка журавель. 35) Молодушка молода. 36) Воробушка воробей. 37) У нашего сосяда. 38) Васильюшка рыбацѣкъ. 39) Ходить Васенька горой. 40) За рѣкой, рѣкой. 41) Не пора ли, не пора ли намъ домой. 42) У насъ по улицѣ, у насъ по широкой. 43) За рѣкою, за рѣкою солдатъ сѣно косить. 44) Какъ у вдовушки-вдовицы. 45) На улицѣ ромода. 46) Породила меня мати, недоноска. 47) Во городѣ городу. 48) По лугу я, дѣвица, гуляла. 49) Во лугахъ, лугахъ, лугахъ, во зеленыхъ лугахъ. 50) Пошелъ козелъ за лыками. 51) Туру туру пастушокъ. 52) При улицѣ, при широкой. 53) Чарочки по столику похаживають. 54) Думай, моя головушка, да не продумайся. 55) Ты, Настя, Настюшка моя. 56) Авдотья вдовина. 57) На горѣ, горѣ. 58) Голосистой пѣтушекъ. 59) Калина, калина. 60) Какъ нонече куры. 61) Ахъ ты, матушка, голова болить. 62) Шелъ козелъ мостомъ. 63) Какъ во городѣ было во Казани. 64) Ягода моя, ягода виноградная. 65) Охъ ты ёжъ. 66) Пошла наша Дуня ленкомъ побираться. 67) Сидить птичка во садку. 68) За рѣкою диво. 69) Шла Анюта по воду. 70) Какъ по травѣ, какъ ходачъ гуляетъ. 71) Полоса моя, полосынька. 72) Тараканъ дрова рубилъ. 73) Охъ ты зять мой, зитюшко. 74) Ахъ ты, Катенька, Катюша. 75) Какъ подъ яблонью. 76) Какъ кума-то ко кумѣ въ рѣшетѣ приплыла. 77) Смолоду младешенька гульлива я была. 78) Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня была. 79) Во саду былъ орѣшникъ. 80) Возлѣ рѣки Москвы-рѣчки.

81) Таня по полю ходила, бѣлу пшѣнушку полола. 82) Какъ у нашихъ у воротъ. 83) Ахъ ты бражка, ты бражка, ты сыченая. 84) Сколько мнѣ бражки ни пити. 85) Я вечеръ млада.

Пѣсню IV можно считать не простою записью, а либо передѣлкой народной пѣсни, либо даже оригинальнымъ произведеніемъ въ народномъ духѣ, возникшимъ, конечно, подъ вліяніемъ народныхъ поэтическихъ и бытовыхъ мотивовъ. По крайней мѣрѣ, первые десять стиховъ скорѣе принадлежатъ Пушкину, чѣмъ народу, и, быть можетъ, эта пѣсня изъ тѣхъ, о которыхъ великій поэтъ говорилъ великому знатоку: „Разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ“. Сохранился въ бумагахъ Пушкина черновой набросокъ стихотворенія, начинающагося словами: „Уродился, бѣдный недоносокъ“... ¹⁾ Въ имѣющейся у насъ копіи этого наброска есть стихъ: „Недоноска меня бѣднаго женили“... Характерно, что, переводя съ сербскаго, для „Пѣсенъ западныхъ славянъ“, пѣсню „Соловей“, Пушкинъ пли не понялъ сербскаго текста: „Ме није мајка оженила млада“ (то есть „мать не женила меня“...), или нарочно измѣнилъ жалобу добраго молодца:

· Какъ ужъ первая забота,—
Рано молодца женили...

Этого русскаго „бытового явленія“, обычнаго въ тѣ времена, Пушкинъ не забылъ, описывая нравы обитателей села Горохина. „Мужчины женятся обыкновенно на тринадцатомъ году на дѣвцахъ двадцатилѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужа начинали бить женъ; и такимъ образомъ, оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено“.

До сихъ поръ у насъ было принято думать, что Пушкинъ интересовался народнымъ творчествомъ и записывалъ пѣсни только въ Михайловскомъ (1824—1826 г.г.). Кирѣевскій, которому онъ доставилъ свои записи безъ обозначенія, гдѣ онѣ собраны, думалъ, что „вѣроятно, онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“. Опубликованныя въ первомъ выпускѣ „новой серіи“ свадебныя пѣсни всѣ приурочены къ Псковской губерніи, даже къ Опочецкому уѣзду и именно къ Михайловскому, правда, не безъ осторожнаго вопросительнаго знака. Несомнѣнно, нѣкоторыя пѣсни были записаны Пушкинымъ дѣйствительно въ Михайловскомъ, но что касается до воспроизводимыхъ нами здѣсь, то ихъ можно съ полною увѣренностью датировать временемъ не раньше знаменитой

1) См. „Пушкинъ и его современники“, IV, 23.

„дѣтородной“ осени 1830 г. ¹⁾ и во всякомъ случаѣ тридцатыми годами. Это соображеніе, высказанное мною вскользь въ газетной статьѣ, подтверждается болѣе вѣскими и обстоятельными доводами знатока русской географіи и этнографіи, къ тому же лично знакомаго съ Среднимъ Поволжьемъ и какъ разъ съ тѣми мѣстами, гдѣ находится Болдино, Р. Д. Семенова-Тянь-Шаньскаго, любезно сообщившаго мнѣ ихъ.

„Пушкину“—говоритъ Р. Д. Семеновъ-Тянь-Шаньскій—„принадлежало село Малое Болдино (рядомъ съ которымъ есть еще и Большое Болдино); это въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, вблизи границы Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

Болдино—село русское, но кругомъ немало мордовскихъ деревень и сель. Мордва здѣсь въ общемъ довольно сильно обрусѣлая: православные, говорятъ по-русски, мало отличаются бытомъ, хотя между собой говорятъ по-мордовски, а мѣстами и до сей поры сохранили свои костюмы, которые надѣваютъ въ праздники. Русскіе все-же ихъ отличаютъ, присоединяя къ собственнымъ именамъ и фамиліямъ (производнымъ отъ собствен. именъ) прозвище „Мордвинъ“.

Немало въ этой мѣстности и татарскихъ селеній; какъ разъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, по рѣчкѣ Пьяной въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегород. губ. и до самага Васильсурска тянется сплошная полоса татарскихъ селеній. Татары сюда проникли должно быть въ XV вѣкѣ. Эта татарская окраина Нижегородской губерніи, болѣе сосредоточенная, чѣмъ мордовскія ея селенія, не чувствуя себя еще русскимъ краемъ, въ половинѣ XVII в. разыграла видную роль въ исторіи возстанія Стеньки Разина, но нынѣ ее можно считать порядочно обрусѣвшей, хотя татары не забыли своего языка и остаются мусульманами.

Въ предѣлахъ Лукояновскаго уѣзда въ 1670 г. происходили стычки передовыхъ отрядовъ правительственныхъ войскъ кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова съ шайками Стеньки Разина ²⁾, увѣнчавшіяся успѣхомъ правительства. Все это показываетъ, что мѣстность эта въ свое время не представляла изъ себя такого уголка, какъ теперь, и вліяніе близкаго сосѣдства съ Волгой, съ главнымъ пристанищемъ „вольницы“—Самарской лукой и Жигулями, должно было сказываться и въ характерѣ быта, и въ пѣсняхъ.

1) Въ первый разъ Пушкинъ побывалъ въ Болдинѣ осенью 1829 г., но очень недолго („Труды и дни Пушкина“, изданіе 2-е, стр. 198; „Пушкинъ и его современник“, I, 86).

2) Пушкинскія записи пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ относятся, судя по черновымъ тетрадамъ поэта, къ двадцатымъ годамъ. Н. Л.

Что пѣсня II записана не въ Псковской губерніи, а въ Болдинѣ, доказывается не только встрѣчающимся въ ней наименованіемъ „Болдинскаго плота“, но и упоминаемъ „Мордвина съ волянкой“ (между прочимъ, и теперь среди мордовцевъ имѣются музыканты, приглашаемые играть въ торжественныхъ случаяхъ и къ русскимъ) и „татарина съ скрышкой“. Наконецъ, весь характеръ пѣсни болѣе подходитъ къ окраинной сторонѣ—къ Поволжью, чѣмъ къ исконному русскому псковскому гнѣзду.

Позволю себѣ высказать, что и I пѣсня записана Пушкинымъ въ Болдинѣ,—такъ какъ здѣсь упоминается о „ковылкѣ“,—т. е. ковыль, котораго въ Псковской губерніи не знаютъ; напротивъ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ эта степная трава встрѣчается, и ея бѣлыя нитевидныя пряди во время цвѣтенія характерны, и сравненіе ихъ съ нитками очень тонко какъ поэтической образъ.

Почти безъ всякаго сомнѣнія можно утверждать, что пѣсни IV и V—тоже Болдинскія или того времени, когда Пушкинъ ѣздилъ черезъ Волгу въ Оренбургскій край собирать матеріалы для „Исторіи Пугачевского бунта“ ¹⁾. За то, что эти пѣсни относятся къ Болдинскому пребыванію Пушкина, говоритъ ихъ колоритъ, характерный для средняго Поволжья и Жигулей. Здѣсь упоминаются и сосна на высокомъ берегу, и то, что разочарованный молодецъ уходитъ къ поволжской вольницѣ, какъ извѣстно, имѣвшей свои притоны въ Жигуляхъ, слѣдовательно, не такъ далеко отъ юго-восточнаго угла Нижегородской губерніи“.

Пушкинъ старательно изучалъ русскую пѣсню, какъ научно образованный этнографъ, и, какъ поэтъ и вѣрный сынъ народа, онъ чувствовалъ ея элегическую тоску, ея буйный размахъ, ея умный и добрый юморъ, ея горячія слезы. И, быть можетъ, незамѣтно для себя, сливаясь съ народнымъ моремъ, онъ самъ создавалъ тѣ образцы, которые трудно было отличить отъ „настоящихъ“ даже такому призванному судѣ, какъ Петръ Кирѣевскій. Послѣдній высоко цѣнилъ знанія Пушкина въ этой области и писалъ въ 1832 г. Н. М. Языкову, что Пушкинъ „намѣренъ какъ можно скорѣе издавать русскія пѣсни, которыхъ у него собрано довольно много“. Кирѣевскій собирался даже послать Пушкину копию съ своего собранія ²⁾, очевидно отдавая ему даже преимущество, но Пушкинъ раздумалъ издавать народныя пѣсни, и Кирѣевскій съ усиленной

¹⁾ „Уральскихъ пѣсень, обѣщанныхъ передъ отъѣздомъ туда“,—писалъ П. В. Кирѣевскій Н. М. Языкову 17 января 1834 г.,—„онъ, кажется, ни одной не привезъ; по крайней мѣрѣ мнѣ не присылалъ“.

²⁾ „Историч. Вѣстникъ“ 1883, декабрь. 535—536.

энергіей самъ взялся за это дѣло; Пушкинъ тогда обѣщалъ ему написать къ сборнику свое предисловіе ¹⁾.

Хотя нѣкоторыя приведенныя и названныя пѣсни извѣстны въ старыхъ пѣсенникахъ и преимущественно въ записяхъ многихъ собирателей, но со всѣми имъ необходимо при изученіи Пушкина считаться, такъ какъ великій поэтъ ихъ записывалъ и пользовался имъ какъ поэтическимъ матеріаломъ и образцами народнаго языка, а иногда передѣлывалъ ихъ и самъ творилъ въ ихъ духѣ. Если нельзя вполне согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго филолога Штейнталя, что ни одна народная пѣсня не можетъ быть записана съ совершенною точностью, и въ устахъ каждаго пѣвца она становится новою пѣснью, то по отношенію къ величайшему пѣвцу русскаго народа эти слова вѣрны. Каждый стихъ въ нихъ „авторизованъ“ Пушкинымъ. Много разсѣяно въ его поэзіи отраженій народнаго творчества. Вотъ, между прочимъ, одно изъ раннихъ, нѣкъмъ до сихъ поръ не отмѣченное. Восхитительный набросокъ (1821 г.) „Въ твою свѣтлицу“..., повидимому, навѣявъ популярной народной пѣсней ²⁾. И. А. Шлякинъ ³⁾ указываетъ на весьма вѣроятную связь комическихъ стиховъ „Женись. На комъ?“... съ лубочной картинкой на тему „Разсужденіе холостого человѣка о женитьбѣ“.

II.

Хронологія пребыванія Пушкина въ Крыму.

Въ засѣданіи Таврической ученой архивной комиссіи 26 мая 1911 г. А. И. Маркевичъ — цитируемъ далѣе дословно протоколъ засѣданія ⁴⁾ — „доложилъ, что въ архивѣ канцеляріи Таврическаго губернатора, въ дѣлѣ за 1820 г. № 16 „О сенатскихъ подорожныхъ бланкетахъ“ имѣется подорожная отъ Севастополя до Симферополя, выданная супругѣ генерала-отъ-кавалеріи Раевского, Софіи Алексѣевнѣ Раевской, 2 октября 1820 г. адмираломъ Грейгомъ, на 12 лошадей. На этой подорожной сбоку приписка: „Записка въ казначейство о выдачѣ подорожной до Кіева на 8 лошадей. № 3567.“

¹⁾ Ibid., 538.

²⁾ См. „Современникъ“ 1836 г., № 1, стр. 140 (Бар. Е. Ѳ. Розенъ, „Орионъ“); „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. А. И. Соболевскаго, т. VII, № 737.

³⁾ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, стр. 22.

⁴⁾ „Извѣстія Таврической учен. архивн. комиссіи“, № 47, Симферополь, 1912 г. Протоколы, стр. 25.

5 октября 1820 г.“ Важность этого документа состоитъ въ томъ, что имъ опредѣляется время возвращенія изъ Крыма А. С. Пушкина, который, по словамъ Екатерины Николаевны Раевской, послѣ посѣщенія Бахчисарая ѣхалъ съ ними до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа. Очевидно, Пушкинъ былъ въ Симферополѣ 4—5 октября 1820 г. Къ пребыванію Раевскихъ, а съ ними и Пушкина, въ Крыму имѣетъ отношеніе и дѣло того же года за № 294 „О путешествіи разныхъ знатныхъ особъ по Таврической губерніи“. 17 августа, за № 2938, таврической губернаторъ Барановъ писалъ еодосійскому исправнику, чтобы онъ явился къ Его Высокопревосходительству генералу-отъ-кавалеріи Раевскому, и если онъ изъявитъ желаніе отправиться на южный берегъ, распорядиться о безостановочномъ проѣздѣ и заготовленіи потребнаго числа лошадей, для чего командировать особаго чиновника, а буде г. Раевскій ранѣе отправится въ Симферополь, равномѣрно оказать всякое содѣйствіе. На это предписаніе и. д. еодосійскаго исправника засѣдатель Карпенковъ рапортовалъ губернатору изъ д. Азаматъ 20 августа: „по прибытіи Его Высокопревосходительства генерала Раевского въ Θεодосію я находился въ уѣздѣ, и потому повелѣніе Вашего Превосходительства отъ 17 сего августа за № 2938, съ нарочнымъ мнѣ присланное, доставлено 19 числа, при чемъ получилъ вѣрное свѣдѣніе, что Его Высокопревосходительство изволилъ отправиться изъ Θεодосіи на брандвахтѣ моремъ до Севастополя“.

Основанный на данныхъ подорожной выводъ г. Маркевича, что Пушкинъ былъ въ Симферополѣ 4—5 октября, опровергается различными извѣстіями и соображеніями. Близкій кишиневскій знакомый поэта И. П. Липранди ¹⁾ сообщаетъ точную дату его пріѣзда въ Кишиневъ — 21 сентября. На другой день Липранди видѣлъ Пушкина въ кишиневскомъ клубѣ, а 23 сентября обѣдалъ съ нимъ у генерала М. Θ. Орлова. 24 сентября Пушкинъ въ Кишиневѣ написалъ брату извѣстное письмо о своей поѣздкѣ на Кавказскія воды и въ Крымъ. Около 25 сентября Липранди видѣлъ Пушкина въ Кишиневѣ у Θ. Θ. Орлова и князя Г. М. Кантакузена ²⁾. 5 октября, какъ разъ въ тотъ день, къ которому г. Маркевичъ относитъ пребываніе поэта въ Симферополѣ, онъ написалъ стихотвореніе „Дочери Карагеоргія“, которое помѣтилъ Кишиневомъ. Е. Н. Орлова, рожд. Раевская, говорила Я. К. Гроту ³⁾, что послѣ

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1866 г., ст. 1263.

²⁾ Ibid., 1237.

³⁾ Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, стр. 53.

посѣщенія Бахчисарая Пушкинъ доѣхалъ съ Раевскими „только до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа“. На Перекопѣ она указывала не безъ колебанія; что Пушкинъ съ Раевскими не доѣхалъ до Перекопа, видно изъ письма губернатора Баранова, который, по сообщенію А. И. Тургенева ¹⁾, увѣдомилъ братьевъ Тургеневыхъ, „что Пушкинъ-поэтъ былъ у него съ Раевскимъ, и что онъ отправилъ его въ лихорадкѣ въ Бессарабію“. Ясно, что въ началѣ второй половины сентября Пушкинъ уѣхалъ одинъ прямо изъ Симферополя въ Кишиневъ, а Раевскіе остались еще на нѣкоторое время въ Крыму и покинули его, согласно показанію по дорожной, въ началѣ октября.

17 августа, въ тотъ день, когда губернаторъ послалъ еоодосійскому исправнику помянутое предписаніе, Пушкина и Раевскихъ видѣли въ Θεодосіи, у бывшаго еоодосійскаго градоначальника С. М. Броневскаго ²⁾. Изъ отвѣта исправника губернатору слѣдуетъ заключить, что 17 или 18 августа путешественники уѣхали изъ Θεодосіи, но не прямо въ Севастополь, а, какъ сообщаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату, въ Гурзуфъ ³⁾. „Тамъ прожилъ я три недѣли“, писалъ Пушкинъ брату. Можно ли считать это категорическое опредѣленіе вполнѣ, день въ день, точнымъ, — вопросъ, но вѣроятно около 10 сентября Пушкинъ оставилъ Гурзуфъ, затѣмъ— установить точныя хронологическія даты невозможно—„обѣхалъ полуденный берегъ“ ⁴⁾, посѣтилъ Кикинеизъ, Георгіевскій монастырь (вѣроятно, побывалъ въ Севастополѣ) и Бахчисарай. Приведемъ здѣсь интересныя хронологическія соображенія М. О. Гершензона ⁵⁾. Въ „Продолженіи путевыхъ записокъ“, изданномъ отдѣльною книгою въ 1830 г., Гераковъ „разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Раевскими въ Симферополѣ и Бахчисараѣ еще 19 и 20 сентября (стр. 24 и 29), когда Пушкина уже несомнѣнно не было въ Крыму... И. М. Муравьевъ-Апостолъ („Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.“, стр. 47—48) разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Сабляхъ, у А. М. Бороздина (въ пятнадцати вер-

¹⁾ Письмо 3 ноября 1820 г. къ кн. П. А. Вяземскому („Остафьевс. Архивъ“, II, 99).

²⁾ Г. Гераковъ, „Путевыя записки по многимъ россійскимъ губерніямъ, 1820 г.“, Петроградъ, 1828, стр. 123.

³⁾ М. О. Гершензонъ („Сѣверная любовь Пушкина“—„В. Европа“ 1908 г., январь, 280) съ приблизительной точностью датируетъ этотъ переѣздъ 18 или 19 числомъ.

⁴⁾ Письмо къ Дельвигу 1824 г. (Переписка Пушкина, академическ. изд., I, 160).

⁵⁾ Названная статья, стр. 280—281.

стахъ отъ Симферополя). Муравьевъ выѣхалъ изъ Одессы въ Крымъ 11 сентября, раза два останавливался на сутки въ дорогѣ, и слѣдовательно не могъ пріѣхать въ Сабли раньше 18—20 сентября; а онъ прожилъ въ Сабляхъ четверо сутокъ и, уѣзжая, повидному, еще оставилъ тамъ Раевскихъ. Что съ ними тогда уже не было Пушкина, видно изъ словъ самого Пушкина въ письмѣ къ Дельвигу 1824 года: „я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и И. М. Очень жалѣю, что мы не встрѣтились“.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы пріѣхать въ Кишиневъ 21 сентября, Пушкинъ долженъ былъ выѣхать изъ Симферополя днями пятью или шестью раньше, т. е. 15—16 сентября. Посѣщеніе имъ Кикинеиза, Георгіевскаго монастыря, Бахчисарая и Симферополя мы можемъ датировать недѣлей 10—16 сентября. Сколько времени провель поэтъ въ Бахчисараѣ и Симферополѣ, опредѣлить невозможно. По словамъ П. И. Бартенева ¹⁾, изъ Гурзуфа генераль Раевскій „вмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ поѣхалъ впередъ; семейство его осталось на время въ Гурзуфѣ и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ“.

III.

По поводу одного стиха въ „Онѣгинъ“.

Описывая въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (гл. 4, стр. XXVIII—XXIX) типичный альбомъ уѣздной барышни двадцатыхъ годовъ, Пушкинъ говорить между прочимъ:

На первомъ листикѣ встрѣчаешь

Qu'écirez vous sur ces tablettes;

И подписъ: t. à v. Annette;

А на послѣднемъ прочитаешь:

„Кто любить болѣе тебя,

„Пусть пишетъ далѣе меня“.

Послѣдніе два стишка до сихъ поръ не исчезли изъ альбомовъ провинціальныхъ дѣвицъ, гдѣ они, обличая незатѣйливое остроуміе ухаживателя или подруги хозяйки альбома, ютятся въ нижнемъ уголку внутренней стороны второй доски переплета.

Что касается до французской записи: „*Qu'écirez vous sur ces tablettes*“, то и она Пушкинымъ не выдумана, какъ не выдуманы другія комическія черты альбомной живописи и словесности: „два

¹⁾ „Пушкинъ въ Южной Россіи“—„Русс. Архивъ“ 1866 г., ст. 1120.

сердца, факель и цвѣтки“ или „злодѣйскій стишокъ“ армейскаго стихотворца ¹⁾. Это — первый стихъ французской пьески, авторъ которой мнѣ неизвѣстенъ. Мнѣ довелось случайно наткнуться на нее при чтеніи одного подобнаго альбома пушкинской эпохи ²⁾, гдѣ она находится дѣйствительно, какъ и быть должно, „на первомъ листикѣ“. Привожу ее, благо она очень коротка.

Qu'écrirez vous sur ces tablettes?
 Quels secrets leur confiez vous?
 Ah! sans doute elles furent faites
 Pour les souvenirs les plus doux!
 En attendant qu'à cet usage
 Ce souvenir soit employé,
 Qu'il soit permis à l'amitié
 D'en remplir la première page.

IV.

Поправка къ тексту „Скупого рыцаря“.

Во всѣхъ изданіяхъ „Скупого рыцаря“, начиная съ появленія его въ первой книгѣ „Современника“ 1836 года и кончая послѣднимъ капитальнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина (С. А. Венгерова), мы читаемъ (сцена I, слова Альбера о Жидѣ):

Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
 Какъ сребренники пращура его.

Въ основу текста при переизданіи драмы слѣдуетъ, конечно, класть первое изданіе ея, напечатанное при жизни автора въ его журналѣ. Съ какого оригинала печаталась она въ „Современникѣ“, неизвѣстно. Рукопись существуетъ только одна, и хотя П. В. Анненковъ ³⁾ думалъ, что „печатный текстъ Современника совершенно сходенъ съ рукописью“, однако это не такъ, что констатируютъ пѣлымъ рядомъ сличеній Л. Бѣльскій въ послѣсловіи къ фототипическому изданію рукописи ⁴⁾ и П. В. Петровъ въ специальной статьѣ о текстѣ драмы ⁵⁾. Предположеніе г. Петрова, „что самъ Пушкинъ

¹⁾ См. мои примѣчанія къ Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, т. V, стр. XIV, № 552.

²⁾ Изъ собранія Н. К. Сивягина († 17 января с. г.). Возможностью познакомиться съ сивягинскимъ собраніемъ я обязанъ любезности секретаря покойнаго библіофила, В. М. Андерсона.

³⁾ Соч. Пушкина, изд. 1855 г., IV, 459—460.

⁴⁾ Изданіе А. де-Бюнкуръ. М., 1901 г.

⁵⁾ Замѣтка о текстѣ драмы Пушкина „Скупой рыцарь“ („Литерат. Вѣстникъ“ 1901 г., т. I, стр. 432—436).

корректурѣ не держалъ“, представляется въ значительной степени вѣроятнымъ по всему, что извѣстно объ изданіи имъ „Современника“. Конечно, мы должны принимать всѣ измѣненія, внесенныя поэтомъ въ печатную редакцію драмы, но въ одномъ случаѣ возникаетъ вопросъ: — можно ли считать результатомъ сознательнаго измѣненія печатную редакцію даннаго мѣста, или на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на ошибку либо описку? Вотъ какъ читаются въ рукописи цитированные выше два стиха:

Его червонцы пахнуть будутъ адомъ
Какъ серебрянники пращура его.

Ясно, что, хотя мы должны считаться съ разнотченіемъ печатной редакціи, окончательно исправленной поэтомъ, но здѣсь мы можемъ съ достаточнымъ основаніемъ усмотрѣть не поправку, а, напротивъ, ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, — Иуда не отравилъ Иисуса, а предалъ его, и сказать, что полученные предателемъ серебрянники пахли „ядомъ“, значило бы приписать Пушкину слишкомъ натянутый образъ. Иное дѣло — адъ, въ понятіи о которомъ объединяются и предатель, и отравитель; какъ бы ни были различны преступленія, мзда за нихъ дѣйствительно одинаково „пахнетъ адомъ“. Въ эсхатологической традиціи христіанства адъ неизмѣнно представляется смраднымъ, тогда какъ рекомендуемая Жидомъ капли Товія, безвкусныя и безцвѣтныя, конечно, лишены всякаго запаха; къ тому же, Альберъ и не соглашается на предложеніе Жида, у котораго хочеть взять червонцы подъ долговую расписку, безъ всякаго побочнаго преступнаго обязательства. Пушкинъ не могъ сознательно испортить удачную редакцію, и несомнѣнно въ этомъ мѣстѣ мы имѣемъ дѣло либо съ случайной опиской (едва ли самого поэта, а, вѣрнѣе, переписчика), либо съ ошибкой корректора, не замѣтившаго проскользнувшей опечатки. Весьма характерно, что и г. Петровъ, приводя изъ рукописи занимающій насъ стихъ и сопоставляя его съ печатной редакціей (гдѣ вмѣсто „пахнуть будутъ“ сказано: „будутъ пахнуть“), не замѣтилъ очень четко написаннаго слова „адомъ“ и, слѣдуя привычному, принятому во всѣхъ изданіяхъ начертанію, напечаталъ: „ядомъ“. Недоразумѣніе рѣшается просто, и, конечно, послѣдующіе издатели должны будутъ въ данномъ случаѣ пользоваться указаніемъ подлинной рукописи, которымъ устраняется очевидная ошибка.

Н. Лернеръ.

